

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Юркин хуторок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636015

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Каждое утро Гросс запирали свою спальню на ключ и с кем-то подолгу в ней беседовал. Иногда даже слышны были отдельные слова, долетавшие до чутких ушей мальчуганов. Иногда кто-то кричал и смеялся там резким, крикливым голосом. И никто из детей не видел, как приходил и выходил таинственный посетитель из комнаты их наставника. Разумеется, все это крайне интересовало и разжигало самое острое любопытство детей...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лидия Алексеевна Чарская

Юркин хуторок

ГЛАВА 1

Семейство Волгиных. Странная встреча. Мая. Еще неожиданность

– Динь! Динь! Динь! Динь! – бойко заливается-звенит колокольчик. – Топ! Топ! Топ! Топ! – выстукивают по пыльной, неровной дороге копыта лошадей.

– Тпрууу! – выкрикивает рослый кучер, важно восседающий на козлах, и тройка останавливается у крыльца господского дома.

Два кудрявых черноглазых мальчугана поспешно выскочили из экипажа, за ними выпрыгнул третий, рыженький и бледнолицый, с крошечным личиком фарфоровой куколки. Следом за детьми из коляски легко спустился еще не старый, но с заметной проседью, господин. Он помог выйти толстой маленькой женщине в чепчике на голове и в клетчатом платке на плечах и высокой, тоненькой и бледной девочке лет двенадцати на вид, с белокурыми, отливающими золотом кудрями и кротким, миловидным личиком, напоминающим прекрасные лица ангелов, изображаемых на картинах.

Навстречу вновь прибывшим из дома выбежал приказчик – он же и управляющий усадьбой, – седой старик Андрон, и с низкими поклонами приветствовал господ.

– Милости просим! Милости просим! Пожалуйте, ваше превосходительство! Барышня! Господа молодые! Заждались вас. Заждались. С приездом! Наконец-то пожаловали! – говорил он, ласково кивая и улыбаясь приезжим.

– Здравствуй, Андронушка! Здравствуй! – ласково отвечал старику седой господин, которого звали Юрием Денисовичем Волгиным и который был отцом двух черноглазых мальчиков – Сережи и Юрки, рыженького Бобки и белокурой Лидочки, похожей на ангела. – Ну, води нас в дом, показывай новое хозяйство. Да прикажи, голубчик, самовар поставить: с дороги и закусить не мешает, и чайку напиться.

– Как же, как же, ваше превосходительство! – засуетился Андрон. – Все сделано. Пожалуйте в столовую.

И он торопливо зашагал впереди господ, указывая им дорогу.

Они миновали ряд комнат, маленьких, уютных, уставленных простой, но изящной мебелью. Дети с любопытством разглядывали все, что попадалось им на пути. Одна только бледная белокурая девочка шла, ни на что не глядя, под руку с отцом и, казалось, не обращала внимания на окружающую ее обстановку. Зато мальчики шумно восторгались всем, что попадалось им по пути. Все казалось им так ново, интересно и мило.

– Ах, папа! – кричал старший, Сережа, тормоза отца. – Как нам будет весело жить в этом маленьком хуторском домике! Это далеко не то, что на даче. И какой ты милый, папа, что купил этот хуторок.

– Мы превесело проведем в нем это лето, – вторил ему Юрик и взглянул на отца огненным взглядом своих больших выразительных глаз.

Несмотря на то, что Юрик был на год моложе Сережи, он казался много сильнее и как будто даже старше брата.

– Да, да! Какой ты умник, папочка, что купил хуторок! – подтвердил и маленький семилетний Бобка, общий баловень и любимец в семье.

– А ты, моя не улыба-царевна, довольна ли? – обратился Юрий Денисович к старшей дочери, которую с заботливой нежностью вел под руку, как больную.

– О папочка, все, что ты делаешь, так хорошо! – произнесла она с чувством и крепко пожала руку отца.

Не совсем довольна была только полная особа в клетчатом платке – нянюшка Ирина Степановна, вынянчившая всех четверых детей Волгиных.

– Хорошо-то, хорошо, – ворчливо произнесла она, – да только была радость – в такую глушь забираться! Тут и человеческого жилья-то, поди, на несколько верст нет. Охота тоже чуть ли не в самом лесу законопатиться! И провизии тут не доищешься. И разносчики не ходят.

– А как же, няня, мы мимо деревни ехали? – вмешался

Сереза. – Там людей много! А провизии, папа говорил, и на хуторе довольно.

– Да деревня-то не близко вовсе: версты две будет, – поправил брата Юрик.

– А я рад, что мы забрались в такую глушь, право; по крайней мере я отдохну за лето, да и вы окрепнете на чистом деревенском воздухе, – вставил свое мнение отец.

– И славно же проведем мы это лето! – весело вскричал Юрик, самый проказливый и шаловливый из всех детей Волгиных. – Я уж видел по пути, что тут всего вдоволь, чего только душа ни пожелает: лес, река, поле... И в лесу эта усадьба, о которой ты говорил, папа... князя этого...

– Да, усадьба и охотничий домик. Как-нибудь мы осмотримся. А пока, друзья мои, советую вам покушать как следует с дороги... Андрон Савельич об нас уже позаботился. И чай готов... Нянюшка, – прибавил Юрий Денисович, обращаясь к Ирине Степановне, – налейте-ка чаю детворе да и меня не забудьте.

Дети не заставили отца повторять приглашение и с большим аппетитом принялись за еду. Старик Андрон, стоя у притолоки, рассказывал Волгину про хозяйственные дела на хуторе. Хутор был куплен Юрием Денисовичем этою весною в одном из прелестных уголков России, и он впервые с семьей приехал сюда провести лето и отдохнуть на деревенском просторе.

После чая мальчики поспешили на двор – осматривать хозяйство вместе с отцом и Андроном. Нянюшка, что-то ворча себе под нос (она была недовольна решением господ провести лето на хуторе, где, по ее мнению, особенно трудно уследить за буйной детворой), принялась хлопотать по устройству комнат совместно с двумя прислугами, приехавшими на хутор еще накануне.

Бледная белокурая Лидочка осталась одна в столовой. Она медленными глотками допила свой чай и осталась сидеть за столом.

– Не желаешь ли, дорогая, пока пройти в сад? – предложил вдруг вошедший в комнату отец.

– Хорошо, папа, – ответила девочка и, тихо встав из-за стола, оперлась на подставленную ей отцом руку и вышла вместе с ним из комнаты, осторожно ступая, точно боясь новой, незнакомой ей обстановки.

Медленно пройдя ряд комнат, они вышли на балкон и спустились в сад.

Это был роскошный старый сад с вековыми деревьями, громадными дубами и кленами и белоснежными березками, покрытыми сплошной шапкой зеленой листвы. Лидочка, под руку с отцом, шла так же медленно и осторожно по длинной и прямой, как стрела, аллее. Солнце золотило ее

белокурую головку и ласкало бледное личико своими прощальными лучами. Когда они дошли до конца аллеи, отец подвел девочку к скамейке и сказал:

– Ты, наверно, устала, дорогая? Посиди здесь на скамейке, отдохни. Я пойду распорядиться по хозяйству, а к тебе пошлю няню.

Лидочка послушно опустила на скамью и осталась сидеть, прислушиваясь к удаляющимся шагам отца.

Вдруг она вздрогнула и насторожилась. В кустах послышался легкий шорох и подавленный смех.

– Кто тут? – испуганно воскликнула Лидочка и протянула вперед руки как бы для защиты.

– Это я! – послышался чей-то звонкий, серебристый смех, похожий на колокольчик.

– Кто – ты? – тем же пугливо-вопрошающим голосом спросила Лидочка.

– Я – майская фея! Или ты не видишь меня?

И из кустов шиповника выскочила маленькая странная фигурка и подбежала к Лидочке.

Это была девочка лет десяти-одиннадцати на вид, с лукавым, подвижным и смеющимся личиком, черненькая, с длинными толстыми косами до пят, вся с головы до ног украшенная цветами, в венке из душистых ландышей на черненькой головке.

– Майская фея? – произнесла бледная девочка. – Но разве существуют на свете феи? Феи бывают только в сказках.

– Должно быть, существуют, если я говорю тебе, что я – фея, – с тем же серебристым смехом отвечало странное существо. – Взгляни на меня: разве ты не видишь, до чего я похожа на фею?

– Нет, не вижу! – произнесла бледная девочка и кроткое лицо ее подернулось печалью.

– Не видишь? Почему? – удивилась в свою очередь странная фигурка, называвшая себя феей.

– Да потому, что я... слепая, – тихо прозвучало в ответ, и белокурая девочка низко опустила свою золотистую головку.

– Слепая! – удивленно протянуло странное существо. – Слепая! Вот никогда бы не подумала этого... Значит, ты не видишь ни голубого неба, ни золотого солнца?

– Нет!

– Ни цветов, ни деревьев, ни птичек?..

– Нет, нет! – было ответом.

– И меня не видишь?

– Нет, я слепая; мои глаза, как мертвые, – уныло произнесла Лидочка. – Но кто же ты на самом деле? Ведь я знаю, что феи не существуют... Ты должна мне сказать, кто ты?

– Ха, ха, ха! – со звонким смехом, похожим на звук серебряного колокольчика, произнесла странная девочка, – какая ты недоверчивая! Я уже сказала тебе, что я фея – фея и есть. Мне жаль, что ты слепая, потому что, во-первых, ты такая хорошенькая и сама очень похожа на фею, а во-вторых, потому что ты не видишь меня и не можешь удостовериться в

том, что я действительно фея!.. Слышишь? Меня зовут. Это кличут меня такие же маленькие феи, как и я, чтобы справлять наш майский праздник в лунном свете. Жаль, что ты не фея и не можешь участвовать в этом празднике. Прощай, прощай! Пора! Солнце уже заходит.

– Как же зовут тебя? Скажи мне, по крайней мере! – произнесла слепая Лидочка, живо заинтересованная своей странной собеседницей.

– Мая! Фея Мая, – прозвучал в ответ серебристый голосок. – А тебя?

– Меня зовут Лидочка, – произнесла слепая.

– Ну, прощай, Лидочка! Не забывай фею Маю! – произнес тот же серебристый голосок, и странное маленькое существо с веселым смехом исчезло в густо разросшихся кустах шиповника.

В ту же минуту по аллее послышались шаги. Это явилась няня за Лидочкой. Держа под руку няню, Лидочка тем же медленным, рассчитанным шагом повернула к дому и пошла своей осторожной походкой, какой обыкновенно ходят только слепые.

– Кто она – эта странная маленькая Мая? – рассуждала по дороге девочка. – И откуда взялась она? Надо будет узнать, нет ли у приказчика Андрона или у кучера родственницы, какой-нибудь шалуни-девочки, которая подшутила над нею, Лидочкой, назвавшись феей. – Что она не фея, это Лидочка отлично знала. Отец Лиды постоянно занимался со

своей слепой дочерью, со слов знакомя ее с разными науками, поэтому Лидочка была достаточно образованна, чтобы не поверить в существование фей и всего сверхъестественного на белом свете. Но кто же, однако, эта девочка?

* * *

В то время как слепая Лидочка неожиданно встретила странное маленькое существо, назвавшее себя феей Маей, ее три брата успели обежать скотный двор, заглянуть в хлев к коровам и свинке, помещавшейся по соседству в обществе своих двенадцати поросят, розовых и нежных, еще не обросших щетиной. Мальчики приходили в восторг решительно от всего: им нравились и поросята, и Буренка, доверчиво бравшая хлеб из рук, и красноносый индюк, важно разгуливающий по двору, и семейство цыплят, следовавшее с пронзительным пискom за своей матерью-хохлаткой. Но больше всего возбудили их любопытство конюшни. Кроме тройки вороных, там еще стояли четыре верховые лошадки и четыре рабочие. Особенно привлекал внимание детей один гнедой верховой конек. Коня звали Востряк, и он как нельзя более оправдывал это прозвище: он поминутно вертел головою, махал хвостом и ржал так, точно хотел этим ржанием по-своему, по-лошадиному, приветствовать своих новых господ.

Из конюшни дети побежали на задний двор, где находи-

лась голубятня, помещавшаяся как раз над домиком скотницы Аксиньи.

– Можно посмотреть голубей? – обратился вежливо Сережа к краснощекой и толстой хозяйке избушки, входя к ней в горницу по шатким ступеням крылечка.

– Пожалуйста, молодые господа, пожалуйста! – проговорила Аксинья, низко кланяясь барчукам. – Митька, а Митька, – закричала она резким, пронзительным голосом, – и где ж это ты запропастился? Сведи господ на голубятню. Слышишь, что ль?

Но невидимый Митька не откликнулся на призыв Аксиньи, и мальчикам пришлось подниматься одним по узкой и скользкой лесенке в мезонин домика.

– Да где же голуби? Их нет! – разочарованно протянул Сережа, заглянув в темный мезонинчик под крышей.

– Нет голубей, – в тон ему грустно протянул Бобка.

– Стойте, а это что? – произнес шепотом Юрик.

Его зоркие глаза отыскиали в углу небольшое гнездышко, свитое под балкой, и в нем четырех еще не оперившихся птенчиков-голубков, пищавших на разные голоса.

– Ах, прелесть! – вскричал, всплеснув ручонками, Бобка. – Возьмем их к себе в детскую непременно.

– И будем их кормить молоком, – подхватил Сережа.

– И глуп же ты, Сережа! – насмешливо произнес Юрик. – А еще старшим называешься. Ну где же это видано, чтобы голуби, как котята, молоко пили?

Сережа сконфузился.

– Возьмем их с собою! – тянул Бобка и протягивал ручонки к гнездышку.

– Оставь, я сам! – оттолкнув его, проговорил своим резким голосом Юрик, и бросившись ничком на ворох соломы, он в свою очередь потянулся рукою за гнездом.

Тут произошло нечто совсем неожиданное. Ворох соломы зашевелился, словно живой, под Юриком, и из-под него высунулась белобрыся головенка с потешными пышными вихрами и маленьким носом, торчавшим на детской грязной рожице в виде пуговицы.

– Не трожь голубей, тебе говорят! – произнес вихрастый мальчик. – Голуби мои, и худо тебе будет, коли что ежели...

– Вот тебе раз! – протянул изумленный Юрик, в то время как Бобка со страхом попятился к двери. – Вы из каких же будете, господин хороший, и чего же вы бранитесь, с позволения сказать?

Вихры отчаянно зашевелились, и нос-пуговица окончательно вылез из-под соломы. Владелец этого носа оказался небольшим пузатым босым человечком в грязной, заплатанной в нескольких местах рубашонке. У него было какое-то задорное и в то же время недоумевающее выражение лица.

– Кто ты такой? – спросил Юрик, удивленно глядя на этого курносого и вихрастого мальчугана.

– Кто? Я-то? – переспросил мальчуган.

– Ты-то!

– Я-то – Митька! А вот ты-то кто будешь? – произнес далеко не миролюбивым тоном курносый человечек.

– А я – Юрик, – отвечал маленький барчук, с трудом удерживаясь от смеха при виде этой забавно воинственной рожицы. – А это Сережа, – указал он на старшего брата, – а этот – Бобка, – протянул он палец в направлении рыженького мальчика, забившегося от страха в угол.

– Бобка... имя-то словно собачье! – протянул с глупой усмешкой пузатенький Митька и вдруг снова неожиданно рассердился: – А пошто вы, ровно воры, в мою голубятню забрались?

– А пошто ты, как разбойник, в соломе спрятался? – передразнивая его, спросил Юрик.

– Боялся я! Тетка Аксинья меня била, шибко била... Велела коров пасти, а я убег.

– Зачем же ты убег? – спросил Юрик.

– А тебе што за дело?

И Митька воинственно выпрямился и даже сжал в кулаки свои грязные ручонки. Но как раз в эту минуту раздался пронзительный крик внизу:

– Митька-а! Митька-а! Куда ты провалился?

– Ахти, беда мне! – вскричал Митька и снова нырнул в солому. – Прибьет она меня, прибьет беспричинно. У нее первое дело – за вихры таскать.

– А ты не бойся. Мы тебя не дадим в обиду, – успокоил его Юрик.

– Это кто? Ты-то?

– Да хоть бы и я!

– Во! Так она на тебя и посмотрит.

– Батюшки! Да она сюда идет, – прошептал испуганно Сережа.

– Беда, беда! – вскричал Митька и с головой ушел в свою солому.

Действительно, ступени скрипели под тяжестью Аксины, и не успели мальчишки переглянуться между собою, как ее тучная фигура показалась на пороге мезонина.

– Ну, полюбовались на голубков, барчата! – произнесла она вкрадчивыми певучим голосом, каким обыкновенно говорят простолюдинки, когда желают показаться ласковыми и добрыми. – Голубки-то улетели.

– Да, – произнес лукаво Юрик, искоса поглядывая на чуть шевелившуюся в углу кучу соломы, – и Митька ваш улетел вместе с ними.

– Митька? Да нешто вы его знаете?

И, не дожидаясь ответа, Аксинья стала жаловаться на Митьку: и лентяй-то он, и грубиян, и разбойник, совсем он от рук отбилсЯ и сладу с ним никакого...

А курносая рожица в это время выглядывала из своего убежища под соломой и корчила такие уморительные гримасы, что три мальчика едва могли удержаться от смеха.

– Митька ваш племянник? – спросил Юрик толстую Аксиныю.

– И-и... какой он мне племянник, детушки! Просто он сирота бездомная, и приняла я его к себе по своей доброте, а он, вместо того чтобы помочь мне в чем по хозяйству, только проказничает. Невмоготу мне с ним!

И, говоря это, толстая Акси́нья, раньше чем кто-либо из детей мог предвидеть это, тяжело уселась на кучу соломы, под которой притаился злополучный Митька. Уселась и тотчас же вскочила на ноги как ужаленная. Глаза ее, выпученные и испуганные, стали совсем круглые от страха, рот широко раскрылся.

– Разбойники! – завопила на весь двор и даже на весь хутор Акси́нья. – Разбойники, режут! Караул! – и со всех ног бросилась вон из мезонина, оставив в голубятне трех громко хохочущих мальчуганов.

– Ну, таперича держись! – вскричал, вылезая из своей соломённой засады, Митька. – Коли узнает, што это я ее испужал – прибьет меня... как Бог свят – прибьет!

И прежде чем мальчуганы успели опомниться, он кубарем слетел с лестницы, и через минуту его потешную маленькую фигурку можно было видеть бегущею по полю от хутора к лесу.

Мальчики перестали смеяться и искренно пожалели сироту-Митьку, которому, должно быть, несладко жилось у его сердитой названной тетки. Потом они занялись птенчиками. Они решили оставить маленьких голубков в голубятне и навещать их как можно чаще, а заодно навещать и Митьку,

успевшего сильно заинтересовать детей Волгиных.

ГЛАВА 2

Старший лесничий и его

внучка. Юркино слово. В лесу.

Митькины страхи. Снова фея Мая

На балконе небольшого лесного домика сидит старый седой господин в темном халате и круглой шапочке на голове. Старик весь погрузился в чтение газеты. А кругом него глухо шепчут старые ели, стройные березки и трепещущие осины... Солнце настойчиво проникает сквозь кружево листвы и нежными лучами ласкает старика. В этом густом, вечно что-то шепчущем лесу так хорошо и уютно! И маленький лесной дом кажется какой-то хорошенькой игрушкой среди громадного старого леса, в его густой, непроходимой чаще. А на опушке этого леса стоит большой княжеский дом. Его почти не видно сквозь стволы часто разросшихся деревьев, и он стоит одинокий, уже чуточку развалившийся, точно безмолвный сторож старого леса.

Старик сложил газету и задумался. Мало-помалу сон подкрался к нему, и он забылся дремотой, уронил голову на грудь.

Но недолго пришлось спать обитателю лесного домика. Невдалеке, в чаще молодого ельника, послышалась звонкая

песенка:

Я эльфа лесная,
Я чащи дитя,
Веселая Мая,
Малюточка я!

И большой лист влажного от росы папоротника упал на колени спящего.

Старик открыл глаза и улыбнулся.

– Это ты, Мая? Ты, моя плутовка?

Маленькие елочки быстро раздвинулись под чьей-то рукой, и то же странное кудрявое и смеющееся существо, появление которого так удивило Лидочку Волгину в саду на хуторе, с хохотом выскочило из чащи ельника и повисло на груди старика.

– Мая! Шалунья дорогая! Маленькая фея! Что скажешь новенького?

– Твоя фея, дедушка, – зазвучал голосок девочки, – принесла тебе ворох новостей, и нехороших новостей, дедушка! – добавила она, надув свои губки.

– Какие же новости принесла ты мне, дитя?

– «Они» приехали, дедушка!

– Ты была на хуторе, Мая?

– Увы! Да, дедушка! Я была на нашем хуторке, который теперь стал не наш. Ах, дедушка! – всплеснув руками, произнесла девочка. – Зачем они приехали! И зачем князь про-

дал наш хуторок?

– Мая, Мая, разве хутор этот был наш когда-нибудь?

– Ах, все равно, ты управлял им, дедушка, и я его считала как бы своим. А теперь туда приехали чужие дети. Они бегают по нашему саду, рвут цветы, которые посадил ты, дедушка. Ездят на наших лошадях, кормят голубков, моих голубков, которых я так любила кормить...

– Ты познакомилась с ними, Мая?

– Нет, я не хочу с ними знакомиться. Они злые, гадкие дети! Они живут на нашем хуторе я их терпеть не могу за это!

– Мая! Мая! Стыдись!

– Я видела, впрочем, одну больную девочку в саду. Она – слепая и, кажется, приняла меня за фею...

– И ты можешь не любить слепую, обиженную судьбою девочку? Да разве у моей феи Май такое недоброе сердечко? – с укором спросил свою любимицу дед.

– Ах, дедушка! – смущенно произнесла она и скрыла покрасневшее личико на груди старого деда.

Мая не солгала Лидочке Волгиной, сказав, что ее зовут феей Маей.

Когда маленькая сиротка – внучка старого лесничего и управляющего бывшего княжеского хутора, приобретенного теперь Волгиным была совсем крошкой, она не могла выговаривать своего имени «Маня» и называла себя Мая. Потом, когда девочка подросла, это имя так и осталось за нею.

Мая Лер неспроста называла себя феей. Когда звонкий, серебристый голосок девочки раздавался в чаще леса, ее дедушка, Дмитрий Иванович Лер, княжеский управляющий, говорил своему старому слуге Антону: «Точно маленькая фея поет в лесу». И дедушка и Антон с тех пор и прозвали Маю феей.

Маленькая Мая, как только начинала помнить себя, жила на хуторе у дедушки до тех пор, пока князь не продал хутора и не перевел Дмитрия Ивановича в лесной домик, назначив его управляющим своих лесных поместий. Мая, всей душой любившая хутор, была в отчаянии. Как и многие маленькие дети, она перенесла свой гнев на совершенно неповинных людей: на нового помещика Волгина, купившего их хутор, и на его детей.

Особенно Мая невзлюбила ребятишек Волгиных, занявших, как ей казалось, ее место на хуторе. Эти дети казались ей настоящими виновниками ее несчастья.

Но когда она встретила сегодня в саду бледную слепую девочку, сердечко Май забило тревогу. Ей было жаль несчастной слепой и в то же время она не хотела признаться в этом дедушке. Но Мая знала, что, помимо слепой дочери, у Волгина было еще три мальчика, и на них-то преимущественно она и перенесла свой гнев.

– Гадкие мальчишки! – ворчала про себя девочка. – Терпеть их не могу!

Дедушка не останавливал своей внучки. Он знал, что, ко-

гда на Маю нападали минуты каприза, лучшебыло оставлять ее в покое.

И Мая расположилась было как следует покапризничать, но внезапное появление на балконе Митьки разом прервало ее настроение.

– Ну что? – так и бросилась она ему навстречу.

– Што-што?

– Да как у вас?

– Дерется!

– Кто дерется?

– Да тетка Аксинья дерется!

– Ах, ты все про свое... Ну что, приехали?

– Известно, приехали!

– Много их?

– Не считал. А видать – много. Перво-наперво барин, потом мальчонков трое. Шустрые! На голубятню забрались. Меня в соломе отыскиали. Я в солому схоронился, а она за вихры меня.

– Кто она? Голубятня?

– Не. Тетка Аксинья меня за вихры. Я оттелева шасьт – и сюды. Уж я бег, бег, бег и к тебе сюды прибег.

– Слушай, Митька, знают они, что у моего дедушки есть внучка? – делая таинственную рожицу, спросила Мая.

– Не... откедова им знать-то?..

– Ну так ты ничего не говори про меня. Слышишь?

– Ладно!

– Уж очень мне над ними хочется потешиться. Дедушка, можно? – в одну минуту вспрыгивая на колени деда, спросила Мая.

– Только помни, стрекоза, шалить можно, но чтобы злых шуток не было.

– Не будет, деда, не будет! Только, откровенно говоря, я их терпеть не могу!

– Ай-ай-ай, Мая! Чем же виноваты дети, да чем же виноват и сам Волгин, что князь продал им свой хутор? Ведь не им бы продал, так другие бы купили, рассуди-ка сама, моя умница!

Но умница не хотела принять совета дедушки. Ей было не до рассуждений. Схватив Митьку за руку, она бегом сбежала с ним с балкона, и скоро ее звонкий голосок, распеваящий веселую песенку, донесся до слуха деда:

Я эльфа лесная,
Я чащи дитя,
Веселая Мая,
Малюточка я!

* * *

Прошла неделя со дня приезда семейства Волгиных на хутор. Эта неделя показалась детям каким-то сплошным и ра-

достным сном. С каждым днем они находили все новые и новые прелести в своей деревенской жизни.

Даже бледная слепая Лидочка – и та чувствовала себя гораздо лучше, нежели в городе или на даче. Целыми днями просиживала она в саду, греясь на солнышке, вдыхая аромат цветов, росших в изобилии на клумбах и куртинах, и прислушиваясь к пению птичек. Она смутно желала снова услышать серебристый голосок и звонкий смех странной девочки, называвшей себя феей. Но девочка не появлялась больше, и маленькая слепая потеряла всякую надежду увидеть ее.

Сергей, Юрик и Бобка гораздо веселее, нежели их сестра, проводили время.

Они сдружились с Митькой, купались, играли вместе и сообща занимались голубями. Митька пришелся им по вкусу. Это был расторопный и ловкий малый, хотя немного глуповатый, но глупость Митьки скорее смешила, нежели сердила их. А наигравшись вдоволь за день с барчатами, под вечер Митька бежал в лесной дом с целым запасом новостей для Май.

Мая и Митька до приезда Волгиных постоянно играли вместе, живя по соседству друг с другом, и умненькая Мая сумела подчинить себе простоватого Митьку и заставлять его все делать по-своему.

И теперь Митька исполнял все желания своей бывшей госпожи.

– А вы не видели княжеского дома? Хотите его осмотреть

со мною? – предложил как-то Юрий Денисович мальчикам.

– Ах, да! Вот славно! Непременно возьми нас с собой, папа! – закричали дети, прыгая и тормоша отца во все стороны.

– Ну вот и отлично, – весело проговорил Юрий Денисович, – мне княжеский лесничий прислал любезное предложение осмотреть большой дом. Завтра и отправимся туда.

– Ну, и отправляйтесь с Богом, а мы хоть с Лидочкой отдохнем как следует без наших головорезов! – обрадовалась нянюшка, которой порядочно-таки надоели шум и беготня трех мальчуганов.

– А сейчас мы в лес пойдем! Можно нам в лес, папа? – вскричал Юрик.

– Поздно в лес идти, тем более что я не могу сопровождать вас сегодня: мне надо еще проверить хозяйские книги. А одних вас страшно пустить, – ответил отец.

– Ах нет, совсем не страшно, папочка, с нами пойдет Митька. Он всякий уголок в лесу знает! – приставал к отцу Юрик.

– Ну, если знает – идите с Богом! Только смотрите, к ужину назад, – предупредил детей Юрий Денисович. – Ты, Сергей, старший и возьми на себя ответственность за братьев. Смотрите, будьте на опушке, а в лес не углубляйтесь... чтобы я был спокоен.

– Будь покоен, папа, я тебе даю слово, что мы дальше опушки не пойдем и к ужину будем дома! – серьезным тоном, как взрослый, произнес Юрик.

— Ну, Юрка, смотри, — улыбнулся Волгин, — не давши слова, крепись, а давши — держись.

— Буду держаться, папочка, — весело вскричал Юрка и быстро скомандовал (Юрка всегда любил командовать): — Ну, стройся! Оборот налево, шагом марш!

И вся команда, состоящая из четверых мальчуганов, с бо-соногим Митькой во главе, зашагала к лесу.

* * *

На опушке леса было хорошо и прохладно. Мальчики с наслаждением принялись прыгать и играть под тенью громадных елей и густолиственных берез. Митька ловил Бобку, Бобка улепетывал от Митьки, поминутно радостно взвизгивая. Юрка и Сережа влезали на деревья и оттуда любовались видом старого княжеского дома, который находился в версте от опушки и казался огненным в вечернем освещении заходящего солнца.

Но Бобка был еще слишком мал, чтобы находить прелесть в красоте природы, а Митька был слишком глуп для этого, и потому они продолжали бегать и возиться на опушке. И вдруг, догоняя Митьку, Бобка увидел прелестный беленький цветочек, росший в стороне от опушки.

В одну минуту мальчик был подле цветка и сорвал его. Но тут на пути Бобке показался другой цветочек, еще лучше прежнего, и Бобка во всю прыть бросился к нему; за ним

помчался Митька, сверкая своими грязными пятками.

– Борис! – крикнул Юрик, взгромоздившийся было на высокую ель. – Не смей убегать от опушки! Или ты забыл, что сказал папа?

Бобка вовсе и не думал забывать того, что говорил папа, но белые цветочки были слишком заманчивы, чтобы он мог удержаться от соблазна их сорвать и составить из них хорошенький букетик, и к тому же с ним был Митька, а с Митькой Бобка ничуть не боялся заблудиться.

Перебегая от цветка к цветку, оба мальчика незаметно углубились в чащу леса и наконец очутились среди высоких исполинов-елей, протягивающих к ним свои мохнатые ветки.

– Мы не заблудимся, Митька? – тревожно обратился Бобка к своему новому приятелю.

– Во! Што мне, впервые, што ли? Я весь этот лес вдоль и поперек знаю! – хвастливо проговорил Митька. – Вот только разве, когда «он» загудит, тогда уж больно страшно!

– Кто «он»? – спросил шепотом Бобка, и глаза у него расширились и стали круглыми от страха.

– Да «он» – леший. Во страху-то бывает, как он гудеть начнет на весь лес!

– А папа и Лидочка говорят, что леших не бывает на свете, – произнес храбро Бобка.

– Во! – по своему обыкновению произнес Митька. – И русалок, скажешь, не бывает, и домового?

– Нет, не бывает. И папа, и Лидочка говорят, что не бывает.

– Глупы, оттого и говорят. А кто, как не «он», в лесу гудит? А иной раз наши бабы за хворостом пойдут в лес зимою, а «он»: гу-гу-гу-гу – так и зайдется.

– Так это ветер, – нерешительно произнес Бобка, невольно поддаваясь уверенному тону Митьки.

– Во, ветер! Сам-то ты ветер! Такой большой вырос, а пролешего не знаешь. И чему только эти господа детей своих учат! – и Митька, возмущенный невежеством барчонка, даже сплюнул в сторону.

– Глупости ты говоришь! Никаких леших нет! Врешь ты все! – с дрожью в голосе произнес Бобка.

– Ан есть!

– Нет! Нет! Нет!

– Есть! Есть! Есть!

– Ну, коли есть, так я с тобой и разговаривать не стану! – рассердился Бобка.

– Эва, напугал! А я тебя одного в лесу кину, коли што. Тебя и съест леший.

– Не смеешь! – вскричал Бобка, и даже слезы навернулись на его синие глазки.

– Не смею? Я-то? А вот увидишь!

И прежде чем Бобка мог произнести хотя одно слово, Митька со всех ног кинулся бежать от него, и через мину-ту-другую его маленькая фигурка исчезла в чаще деревьев.

– Митька! Митька! Гадкий! Злой! Противный! – кричал Бобка. – Вернись! Я папе пожалею. Тебе достанется, Митька!

Но Митьки и след простыл. Тогда, испуганный своим одиночеством в лесу, Бобка стал звать братьев плаксивым голосом:

– Юрик! Сережа! Сережа! Подите сюда!

Но – увы! – никто не откликнулся. Должно быть, мальчик, незаметно переходя от цветка к цветку, слишком далеко отошел от опушки.

Солнце между тем уже село. Его прощальные лучи потухли за верхушками мохнатых елей. Легкий, прохладный ветерок подул с севера. В лесу стало холоднее и темнее.

Бобка начал трусить. Он пошел наугад по выющейся тропинке; потом сперва повернул налево, затем направо и зашел, наконец, в такую чащу, из которой, казалось, никуда нельзя было выбраться. Тут Бобка бросился на траву и горько заплакал.

* * *

Долго лежал и плакал Бобка на зеленом мху. Ему было и жутко, и холодно, и хотелось кушать. Ему вспомнились те вкусные вещи, которые няня заказывала кухарке Матрене к сегодняшнему вечеру. Особенно ярко представлялась та вкусная булка, которую испекла сегодня Матрена и которую

подадут к чаю. Булка так живо представлялась его воображению, что Бобку неудержимо потянуло домой, за чайный стол. Он утер слезы, вскочил с травы и пошел назад, с трудом отыскивая в траве следы своих крошечных ножек.

– Гадкий Митька! – ворчал сердито мальчик. – Если б не он, я бы не заблудился... И что подумают папа, Лидочка, Юрка, особенно Юрка, который поручился за нас папе! И потом, как найдет он, Бобка, дорогу домой? А в лесу вечером, должно быть, жутко! Может быть, даже волки бродят и... и... леший! Митька говорит, что лешие существуют. Правда, папа и Лидочка умнее Митьки, но, может быть, папа, боясь испугать его, Бобку, говорит, что нет леших, а Лидочка – слепая, если и встретит лешего, то все равно не увидит его.

А он есть... должен быть. Он берет непослушных детей и ест их. Митька же говорит, что ест...

– Гу-гу-гу! – пронеслось в эту минуту по лесу.

– Ай-ай-ай! – закричал не своим голосом Бобка и даже от страха присел на землю.

– Гу-гу-гу! – снова загудело кругом.

Это зашумел неожиданно поднявшийся ветер.

Бобке стало еще страшнее и неприятнее от этого заунывного гуденья. Он почти бегом побежал по тропинке и вдруг разом остановился, пораженный неожиданностью. Где-то близко, совсем близко от него, послышалось пение, похожее на звон серебряного колокольчика. Прелестный мелодичный

ГОЛОСОК, ВЫХОДИВШИЙ ИЗ ЛЕСНОЙ ЧАЩИ, ПЕЛ:

Я эльфа лесная,
Я чащи дитя,
Веселая Мая,
Малюточка я!

– Кто это? – громко крикнул испуганный Бобка и так и впился в кусты своими испуганными глазенками.

В то же мгновение пение прекратилось, и знакомая уже нам Мая – обитательница лесного домика – вынырнула из чащи.

В прелестной смеющейся черноглазой девочке не было ничего страшного, и Бобка отважно зашагал ей навстречу.

– Кто ты? – спросила в свою очередь девочка изумленного мальчугана.

– Я – Бобка! – отвечал тот.

– Ха-ха-ха! – расхохоталась своим звонким смехом Мая. – Или ты думаешь, что лесная фея знает, кто такой Бобка?

– Разве ты фея?

– Конечно! Раз ты меня встретил в лесу – значит, я лесная фея.

– А я думал, что ты просто заблудившаяся девочка, – проговорил Бобка. – Но раз ты фея, то ты все можешь сделать. Видишь ли, я потерял дорогу к опушке...

– Разве ты заблудился?

– Да. Я пошел с Митькой... но ты не знаешь Митьки – Ак-

синьиного приемыша... так вот, я с ним, с Сережей и Юркой пошел в лес и...

– Довольно! – прервала его странная девочка, – ты и твои братья пошли в лес... А слепая Лидочка осталась дома с нянюшкой... Юрик и Сережа влезли на дерево, а ты с Митькой убежал рвать цветы, потом ты поссорился с Митькой. Он говорил, что леший существует, а ты спорил, что нет. Митька разозлился и убежал, бросив тебя одного...

– Ай-ай ай! Как ты все это знаешь? Или ты в самом деле фея?

– А ты думал – нет? Я еще больше знаю. Завтра вы все пойдете осматривать княжеский дом с вашим папой, правда?

– Правда! – произнес все более и более изумлявшийся Бобка.

– Вот видишь! – торжествуя, проговорила девочка. – Я все знаю, потому что я – фея! А хочешь увидеть меня там?

– Хочу!

– Но только, чур, никому об этом ни слова! Я хочу показаться лишь одному тебе. Твои братья – большие, шумливые мальчишки, а лесные феи не любят шума. И я не люблю шалунов. Ты мне нравишься, и я охотно поиграла бы с тобою, но в лесу уже начинает смеркаться. Слышишь детские голоса? Это ищут тебя твои братья! Смотри, ни слова не говори о том, что ты меня видел. А то я рассержусь, а феи становятся опасными, когда сердятся. Завтра ты войди один, непременно один, слышишь? – в портретную, что находится в ме-

зонине княжеского дома, и там ты увидишь не меня, а мой портрет или картину, на которой я буду изображена. Понял?

– А разве с фей рисуют портреты? – недоумевающе спросил Бобка.

– Значит, рисуют... Много будешь знать – скоро составишься! – сердито оборвала мальчугана строгая фея. – Ну, прощай же, и никому ни слова о нашей встрече. Слышишь? – тебя зовут. – И она снова исчезла в чаще ельника.

– Бобка! Бобка! Барчук! Где вы? – раздавалось на разные голоса по лесу.

И вскоре Бобка был окружен приказчиком Андроном, кучером Степаном, Сережей и Юриком.

– Ну, и испугали же вы нас, барчук, – говорил сердитым голосом приказчик. – Барин весь дом вверх дном поставили, вас искавши. А барышня так беспокоились, что ей даже нехорошо сделалось, и в постельку уложить пришлось. Как старшие барчата пришли одни к ужину и сказали, что вы потерялись в лесу, так они как заплачут, так-то горько да жалобно. Даже и меня, глядя на них, слеза прошибла.

– Что же это? Да разве я... – начал было оправдываться Бобка.

– Молчи уж! – сердито прикрикнул на него Юрик. – Наделал суматоху, а потом и плачется, как девчонка... Видеть тебя не могу, убирайся!

И он сердито оттолкнул от себя действительно всхлипывавшего Бобку.

– И от меня уйди! – вторил Юрику и Сережа, из-за тебя только папа на нас рассердился, негодный мальчишка!

Бобка был сконфужен.

Но слезы его и смущение как-то разом пропали, как только он вспомнил о маленькой фее, явившейся ему в лесу.

«Фея или не фея?» – раздумывал Бобка, чинно выступая под караулом братьев и прислуги по дороге к дому. С одной стороны, он знал, что феи существуют только в сказке, а с другой – странная девочка так подробно рассказала ему все про него самого и его братьев, что подобное не могла знать ни одна обыкновенная девочка.

Если бы Бобка мог надеть шапку-невидимку и проследить в ней за убежавшим от него в лесу Митькой, то он увидел бы, что после их ссоры его босоногий приятель побежал не на хутор, а в лесной домик к Мае, к которой являлся ежедневно с рассказами про них, хуторских барчат. Выслушав Митьку, Мая побежала в чащу, где находился маленький Бобка, и перед ним, как прежде перед его сестрой Лидочкой, разыграла из себя фею.

ГЛАВА 3

Неприятная новость. Секрет Бобки. Княжеский дом. Фея Мая не обманула. Вот так китаец! Фея с разбитым носом. Черные куры. Новая шалость

– Наконец-то нашелся – воскликнул радостно выбежавший на крыльцо Юрий Денисович Волгин и принял в свои объятия потерянного было и вновь приобретенного Бобку. – Не буду тебя бранить, мальчик, – сказал он, – ты и так достаточно наказан за твою опрометчивость. Из-за тебя Лидочка заболела с испуга и лежит в постели. Ты не знаешь, как любит тебя твоя старшая сестра, а если бы знал, то, наверное, бы строго исполнял все мои приказания. Да и перед Юрием ты много виновен. Он дал за тебя слово, и оно оказалось нарушенным благодаря твоему поступку.

– Папочка... – начал было Бобка и заплакал.

Юрик и Сережа стояли молча, уставившись глазами в землю и кусали губы. Они признавали себя виноватыми не меньше Бобки, так как отпустили его от себя.

Юрию Денисовичу стало жаль своих провинившихся сы-

новой.

– Ну, ребята, – проговорил он весело, желая ободрить приунывших мальчуганов, – все хорошо, что хорошо кончается: история с Бобкой кончилась, слава богу, хорошо, Лидочка успокоится и поправится, а потому не вешайте носов, мои друзья! Это происшествие убедило меня только в одном, что вы еще слишком молоды, чтобы разгуливать одним по лесу и хутору, и потому я позабочусь, чтобы у вас был надежный спутник. Мне передали, что здесь в уездном городе живет гувернер-немец, служивший когда-то у князя, бывшего владельца этого хутора, и он с удовольствием поступил бы к нам в качестве гувернера и учителя.

– Учителя! – вскричали хором все три мальчика, и на их вытянувшихся лицах выразился самый неподдельный испуг.

– Да, учителя. Чего вы трусите? Я уверен, что это очень милый человек; говорят, он около пятнадцати лет прожил в доме князя.

Но мальчики продолжали стоять с пасмурными, недовольными лицами. Раз уже решено взять учителя, то не все ли равно, какой он будет. Каждый учитель строг и взыскателен и не будет позволять так бегать и резвиться, как бегали и резвились до сих пор.

– А все из-за тебя! Ты виноват! – сердито шепнул Юрик Бобке и посмотрел на младшего братишку злыми, негодующими глазами.

Бобка сознавал свою вину. Пристыженный, уселся он за

стол и неохотно принялся за чай и ужин.

Даже вкусная, мастерски испеченная руками Матрены булка, о которой так мечтал он в лесу, и та потеряла весь свой вкус и прелесть для сконфуженного и огорченного Бобки.

Когда после ужина он пошел в свою спальню, где помещался отдельно от братьев со слепой Лидочкой, сердечко его забилося еще тревожнее и сильнее.

Лидочка лежала в постели, и в комнате пахло лекарством.

– Это ты, Бобик? – послышался слабый голосок девочки, лишь только он перешагнул порог комнаты. – Ах, как ты меня напугал сегодня! Не делай этого в другой раз, Боби! Я так волновалась за тебя! Ведь когда ты маленьким крошкой остался после мамы, я решила взять тебя на свое попечение и заботиться о тебе. Ах, Боби, Боби! Я никогда не ропщу и не жалею, что я ослепла в раннем детстве, но когда я не могу уследить за тобою, Бобик, то я начинаю вдвойне страдать оттого, что я слепая. Не заставляй же меня больше плакать и будь послушным! Я обещала покойной маме сделать из тебя хорошего, доброго человека и хочу во что бы то ни стало исполнить мое обещание.

– Не буду, Лидочка! Никогда не буду больше! – искренно вырвалось из груди Бобки, и он крепко обнял свою слепую сестрицу.

На другой день, после завтрака, Юрий Денисович со своими тремя мальчуганами пошел осматривать княжеский дом.

Их встретил старый Антон, слуга и помощник лесничего, и повел их по целому ряду громадных высоких комнат. На каждом шагу мальчики ахали от удивления. Это был совсем особенный дом — со всевозможными башенками, затеями, витыми лесенками и громадным двухсветным залом. Он скорее походил на какой-нибудь замок или дворец. Дети с удивлением разглядывали тяжелую, массивную мебель, а старый Антон, благообразный и высокий старик, рассказывал им в это время своим протяжным, приятным голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.